

УДК 33

**ФИНАНСОВАЯ РЕЗИЛЬЕНТНОСТЬ ДОМОХОЗЯЙСТВ В
УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ:
ПОВЕДЕНЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

Подольских В.С.

студент,

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,

Елец, Россия

Селезнева Ю.А.

старший преподаватель,

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,

Елец, Россия

Аннотация

В статье рассматривается финансовая резильентность домохозяйств как многомерный конструкт, включающий институциональный, ресурсный и поведенческий уровни. На основе теоретического анализа отечественных и зарубежных исследований обосновывается определяющая роль поведенческих характеристик в формировании способности домохозяйств противостоять экономическим шокам и восстанавливаться после их воздействия. Особое внимание уделяется сберегательному поведению как центральному детерминанту финансовой резильентности, а также демографической неоднородности поведенческих реакций. Показано, что критически низкий уровень сберегательной обеспеченности российских домохозяйств существенно сужает пространство для абсорбционных стратегий и повышает уязвимость перед поведенческими ошибками.

Ключевые слова: финансовая резильентность, домохозяйства, поведенческая экономика, ограниченная рациональность, финансовая тревожность, Вектор экономики | www.vectoreconomy.ru | СМИ Эл № ФС 77-66790, ISSN 2500-3666

КОГНИТИВНЫЕ искажения, сберегательное поведение, экономические шоки, финансовая устойчивость, адаптационные стратегии.

***HOUSEHOLD FINANCIAL RESILIENCE IN CONDITIONS OF
ECONOMIC INSTABILITY: A BEHAVIORAL DIMENSION***

Podolskikh V.S.

Student,

Bunin Yelets State University,

Yelets, Russia

Selezneva Y.A.

Senior Lecturer,

Bunin Yelets State University,

Yelets, Russia

Abstract

The article examines household financial resilience as a multidimensional construct encompassing institutional, resource, and behavioral levels. Based on a theoretical analysis of domestic and foreign research, the determining role of behavioral characteristics in shaping households' ability to withstand economic shocks and recover from their impact is substantiated. Particular attention is paid to saving behavior as a central determinant of financial resilience, as well as to the demographic heterogeneity of behavioral responses. It is shown that the critically low level of savings adequacy among Russian households significantly narrows the scope for absorption strategies and increases vulnerability to behavioral errors.

Keywords: financial resilience, households, behavioral economics, bounded rationality, financial anxiety, cognitive biases, saving behavior, economic shocks, financial stability, adaptation strategies.

Экономическая турбулентность 2020-х годов, вызванная пандемией COVID-19, беспрецедентным санкционным давлением на российскую экономику, инфляционными всплесками и структурной трансформацией финансовых рынков, актуализировала проблему финансовой устойчивости экономических агентов микроуровня. В этих условиях концепция финансовой резильентности домохозяйств приобрела особую аналитическую и практическую значимость. Очевидно, что она вышла за рамки сугубо академического дискурса и стала предметом пристального внимания со стороны регуляторов, разработчиков экономической политики и финансовых институтов.

Под финансовой резильентностью домохозяйств мы понимаем способность экономических агентов микроуровня сохранять функциональное состояние финансовой системы в условиях внешних и внутренних шоков, адаптироваться к ним и восстанавливаться после их воздействия.

Понятие «резильентность» (от англ. *resilience* – упругость, способность восстанавливаться) мигрировало в экономическую науку из экологии и инженерных дисциплин. Там оно первоначально описывало способность систем сохранять структурную целостность под воздействием дестабилизирующих факторов. В экономическом контексте она представляет собой многомерный конструкт, охватывающий три взаимосвязанных измерения. Абсорбционная составляющая предполагает способность поглощать шок без существенного снижения благосостояния. Адаптационный элемент выражает способность перестраивать финансовое поведение в ответ на изменившиеся условия. Трансформационный фактор дает способность использовать кризисный опыт для качественного улучшения финансового положения [1].

В отечественной научной дискуссии финансовая резильентность домохозяйств долгое время рассматривалась преимущественно через призму имущественной обеспеченности и ликвидных резервов. На самом деле, это

Вектор экономики | www.vectoreconomy.ru | СМИ Эл № ФС 77-66790, ISSN 2500-3666

сближало этот концепт с понятием финансовой устойчивости в его статическом измерении. Между тем современные исследования убедительно демонстрируют, что наличие финансовых буферов является необходимым, но недостаточным условием резильентности. Будут ли они использованы эффективно и будут ли восстановлены после исчерпания в значительной мере определяют поведенческие характеристики домохозяйств. К ним относятся финансовые установки, когнитивные схемы принятия решений, эмоциональные реакции на неопределенность [6].

Алешина О.Г. в научной работе по классификации шоков проводит принципиальное разграничение между внешними и внутренними шоками, констатируя, что: «...реакция домохозяйств на два типа шоков принципиально различается по поведенческому профилю: внешние шоки, как правило, сопровождаются коллективными адаптационными реакциями и изменением институционального контекста, тогда как внутренние шоки требуют индивидуальных поведенческих ресурсов» [1].

Концепция ограниченной рациональности, восходящая к Герберту Саймону, американскому экономисту, лауреату Нобелевской премии 1978 года, обосновавшему, что реальные агенты принимают решения в условиях неполной информации и когнитивных ограничений, особенно релевантна в кризисном контексте [5]. Условия экономической нестабильности принципиально расширяют информационную асимметрию и когнитивную нагрузку на домохозяйства. Несомненно, это усиливает их зависимость от эвристик и когнитивных сокращений. Этот факт, в свою очередь, может неоднозначно воздействовать на резильентность. За счет панических решений, сверхоптимистичных прогнозов или чрезмерного пессимизма она снижается. А вот за счет доверия к сложившимся рутинам и традиционным стратегиям сбережения, растет.

Теория перспектив Канемана и Тверски, американских психологов, чьи исследования легли в основу поведенческой экономики, постулирует Вектор экономики | www.vectoreconomy.ru | СМИ Эл № ФС 77-66790, ISSN 2500-3666

асимметрию в восприятии потерь и приобретений [7]. Для человека потери ощущаются примерно вдвое острее, чем равновеликие приобретения. Этот эффект получил название «неприятия потерь». Домохозяйства, характеризующиеся выраженным неприятием потерь, склонны к чрезмерно консервативным финансовым стратегиям в кризисный период. Несомненно, это защищает их от дополнительных рисков. Но в то же время, ограничивает восстановительный потенциал после прохождения острой фазы кризиса.

Протасов А.Ю. с соавторами, анализируя современный дискурс об устойчивом развитии в отечественной и зарубежной литературе, фиксируют нарастающий консенсус относительно необходимости интеграции поведенческого измерения в модели устойчивости как на макро-, так и на микроуровне. Авторы отмечают, что: «...постковидные исследования особенно акцентируют роль доверия к финансовым институтам как ключевого медиатора между объективными финансовыми ресурсами домохозяйств и их субъективно ощущаемой устойчивостью» [11].

Среди поведенческих конструктов, значимых для анализа финансовой резильентности, особое место занимает финансовая тревожность. Под ней понимается хроническое состояние беспокойства, связанного с финансовым положением, перспективами и решениями [10]. В отличие от ситуативной финансовой озабоченности, адекватной реальным финансовым проблемам, финансовая тревожность является устойчивой психологической диспозицией, искажающей восприятие и обработку финансовой информации.

Макаревич-Константинова А.А. в исследовании финансовой тревожности как экономического индикатора обосновывает принципиальный тезис: «...уровень финансовой тревожности обладает самостоятельной предсказательной силой в отношении экономического поведения домохозяйств, не сводимой к объективным показателям финансового положения» [8].

Финансовая резильентность домохозяйств представляет собой многомерный конструкт, не сводимый к объему накопленных финансовых

резервов (табл. 1).

Поведенческое измерение, выраженное в когнитивных искажениях, ограниченной рациональности, неприятии потерь и финансовой тревожности, играет самостоятельную и значимую роль в формировании способности домохозяйств противостоять экономическим шокам и восстанавливаться после них.

Таблица 1

Трехуровневая модель финансовой резильентности домохозяйств

Институциональн ый уровень	Доступность финансовой инфраструктуры · Государственные программы поддержки · Регулирование финансового рынка
Поведенческий уровень	Финансовая тревожность · Когнитивные искажения · Временные предпочтения · Финансовая грамотность
Ресурсный уровень	Финансовые активы · Долговые обязательства · Ликвидность · Страховые буферы

(Источник: составлено автором на основе концептуальных подходов Алешиной О.Г., Протасова А.Ю. и др.)

Концепция ограниченной рациональности Саймона объясняет, почему в условиях кризиса домохозяйства систематически отклоняются от оптимальных финансовых стратегий, опираясь на эвристики и сложившиеся поведенческие рутины. Теория перспектив Канемана и Тверски раскрывает механизм, по которому страх потерь формирует избыточно консервативное финансовое поведение, способное как защищать, так и ограничивать восстановительный потенциал домохозяйства. Финансовая тревожность при этом выступает самостоятельным индикатором, искажающим восприятие финансовой информации вне зависимости от объективного положения дел.

На наш взгляд, интеграция поведенческого подхода в анализ финансовой резильентности позволяет перейти от статических моделей финансовой устойчивости к динамическому пониманию адаптационных механизмов

домохозяйств. Это создает теоретическую основу для дальнейшего исследования конкретных поведенческих факторов финансовой устойчивости в кризисных условиях.

Поведенческие реакции домохозяйств на финансовые шоки образуют спектр, на одном полюсе которого находятся проактивные адаптационные стратегии, на другом дисфункциональные реакции, усугубляющие первоначальный шок. Между этими полюсами располагается широкая область инерционного поведения, при котором домохозяйства продолжают следовать сложившимся поведенческим паттернам вне зависимости от изменившегося контекста.

Проактивные адаптационные стратегии включают превентивное накопление ликвидных резервов, диверсификацию источников дохода, редукцию необязательных расходов при сохранении инвестиций в человеческий капитал, а также целенаправленное повышение финансовой грамотности. Ключевой характеристикой этой группы стратегий является их ориентированность на будущее. Домохозяйства, подверженные им, ведут себя так, как если бы кризис уже наступил, или с высокой вероятностью предвидят его наступление.

Исследования качества жизни на региональном уровне, проведенные Дохоляном С. В. и Вершининой М. А., свидетельствуют о том, что субъективное восприятие финансового благополучия существенно расходится с его объективными показателями. Показательно, что это расхождение нелинейно зависит от уровня доходов [6]. В частности, среди домохозяйств со средними доходами субъективная неудовлетворенность финансовым положением нередко превышает таковую у домохозяйств с низкими доходами. Этот факт авторы связывают с более высокими референтными ожиданиями и социальными сравнениями. Этот эффект имеет прямые импликации для анализа финансовой тревожности. Ее уровень определяется не только

абсолютным финансовым положением, но и разрывом между ожидаемым и фактическим.

Инерционные стратегии, широко распространенные среди российских домохозяйств, характеризуются сохранением докризисных паттернов потребления и сбережения при изменившемся доходе. Это ведет к росту долговой нагрузки или декумуляции накоплений. Данная стратегия может быть рациональна при краткосрочных, предположительно транзитных шоках. Однако при затяжных или структурных кризисах инерционные стратегии становятся дисфункциональными, поскольку откладывают необходимую адаптацию.

Дисфункциональные реакции выражаются в паническом снятии депозитов, конвертации накоплений в наличную иностранную валюту, ажиотажные закупки товаров длительного хранения, а также отказ от страхования рисков на основе «оптимистичного пристрастия». Показательно, что в период острой фазы кризиса 2022 г. российские домохозяйства демонстрировали значительные масштабы именно таких реакций. По данным Банка России, в феврале–марте 2022 г. объем наличной иностранной валюты, приобретенной населением, достиг рекордных значений – порядка 14,3 млрд долл. только за март 2022 г. Примечательно, что значительная часть этих операций была совершена по крайне невыгодным курсовым условиям [2].

Сберегательное поведение домохозяйств является центральным детерминантом их финансовой резильентности. Наличие ликвидных резервов представляет собой первичный механизм абсорбции финансовых шоков, предотвращающий немедленную трансляцию доходного шока в потребительский. Горшкова Н.В. с соавторами, анализируя сберегательное поведение российских домохозяйств, фиксируют «...глубокую гетерогенность этого поведения по социально-демографическим и региональным измерениям, а также его высокую чувствительность к экономическим ожиданиям и доверию к финансовым институтам» [4].

Согласно данным Всероссийского обследования домохозяйств по потребительским финансам 2022 г., около 47% российских домохозяйств не располагают финансовыми сбережениями в каком-либо виде. Медианный размер финансовых активов домохозяйств составлял около 30–35 тыс. руб., что соответствует примерно 0,5–0,7 месяца среднедушевых расходов [3]. Это значительно ниже рекомендуемого резервного фонда в 3–6 месяцев расходов. При этом распределение финансовых активов крайне асимметрично. Из-за концентрации значительных накоплений средние значения существенно превышают медианные в относительно небольшом числе домохозяйств.

Когнитивные искажения – систематические отклонения в обработке информации и формировании суждений. На наш взгляд, они особенно разрушительны в условиях кризиса, когда правильные финансовые решения приобретают особую значимость, а их цена ошибки резко возрастает.

Эффект доступности ведет к переоценке вероятности финансовых катастроф, ярко освещенных в медиа, и недооценке менее публичных, но статистически более вероятных рисков. В кризисном контексте это порождает несоответствие между субъективно воспринимаемой угрозой и объективными рисками. Это деформирует страховое поведение домохозяйств.

Статус-кво-пристрастие – тенденция предпочитать существующее положение дел любому изменению. В кризисных условиях такая тенденция может приводить к непродуктивной инерции. Домохозяйства продолжают держать средства в потерявших доверие банках, сохраняют убыточные кредитные договоры, откладывают реструктуризацию долговой нагрузки. Так, в 2022 г., несмотря на резкое ухудшение условий по многим кредитным продуктам, значительная часть заемщиков не воспользовалась программами реструктуризации, предложенными банками.

Макаров И.Н. с соавторами, рассматривая методологические основы потенциала экономического развития территории, указывают на важность учета демографических факторов в анализе поведенческих характеристик

Вектор экономики | www.vectoreconomy.ru | СМИ Эл № ФС 77-66790, ISSN 2500-3666

экономических агентов: «...возрастной состав домохозяйства существенно модифицирует как временные предпочтения, так и субъективное восприятие финансовых рисков» [9]. В частности, домохозяйства с детьми демонстрируют более высокую норму сбережений при сопоставимых доходах, что может объясняться как мотивом предосторожности, так и целевыми накоплениями.

Поведенческие факторы финансовой устойчивости домохозяйств в кризисных условиях образуют сложную систему взаимодействующих детерминант. По нашему мнению, она не сводится к простой дихотомии рационального и иррационального поведения. Анализ показывает, что реакции домохозяйств на финансовые шоки распределяются по широкому спектру – от проактивных адаптационных стратегий до дисфункциональных паттернов, усугубляющих первоначальный шок. Причем выбор стратегии определяется не только объективным финансовым положением, но и поведенческими характеристиками: уровнем финансовой тревожности, выраженностью когнитивных искажений и временными предпочтениями.

Критически низкий уровень сберегательной обеспеченности российских домохозяйств существенно сужает пространство для абсорбционных стратегий и повышает уязвимость перед поведенческими ошибками. В этих условиях когнитивные искажения приобретают особую разрушительную силу, поскольку цена неверного решения резко возрастает при минимальных финансовых буферах.

Демографическая неоднородность поведенческих реакций, зафиксированная в рассмотренных исследованиях, указывает на то, что эффективные меры по повышению финансовой резильентности должны учитывать структурные различия между группами домохозяйств.

Библиографический список:

1. Алешина О.Г. Внешние и внутренние шоки в экономике: методология

// Экономика и управление инновациями. – 2022. – № 2. – С. 39–60.

Вектор экономики | www.vectoreconomy.ru | СМЭ Эл № ФС 77-66790, ISSN 2500-3666

2. Банк России. Всероссийское обследование домохозяйств по потребительским финансам 2022 года: основные результаты. – Москва: ЦБ РФ, 2024. – URL: <https://cbr.ru>
3. Всероссийское обследование домохозяйств по потребительским финансам. — М.: НИУ ВШЭ, 2022. — С. 67–92.
4. Горшкова Н.В., Гузев М.М., Логинова Е.В., Хижняк Ю.К. Сберегательное поведение российских домохозяйств // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2023. – № 12-2. – С. 225–231.
5. Григорян М.А. Разумное управление ресурсами как путь к экономической устойчивости и социальной гармонии / М.А. Григорян // Актуальные вопросы экономики, управления и права: мировой опыт и Российская практика : МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, Смоленск, 19 ноября 2025 года. – Смоленск: Издательство «Маджента», 2025. – С. 222-226. – EDN UAAUWZ.
6. Дохолян С. В., Вершинина М. А. Особенности оценки качества жизни населения на региональном уровне // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2023. – № 10 (156). – С. 120–128.
7. Канеман Д., Тверски А. Теория перспектив: анализ принятия решений в условиях риска // Психологический журнал. – 2002. – Т. 23. – № 2. – С. 44–62.
8. Макаревич-Константинова А.А. Финансовая тревожность как экономический индикатор: измерение и прогнозирование в условиях кризиса 2025 года. – Москва, 2025.
9. Макаров И.Н. и др. Методологические основы потенциала экономического развития территории в контексте мальтузианских моделей демографической динамики // Экономика, предпринимательство и право. — 2024. – Т. 14. – № 12. – С. 7252–7270.
10. Минаков А. В. Анализ финансовой устойчивости домашних хозяйств в регионах России / А. В. Минаков, Л. Н. Иванова // Вестник экономической

безопасности. – 2022. – № 3. – С. 286-293. – DOI 10.24412/2414-3995-2022-3-286-293. – EDN NIVDNR.

11. Протасов А. Ю., Марков М. В., Меркулова И. Ф. Устойчивое развитие общества и экономики в фокусе внимания российских и зарубежных экономистов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2024. – Т. 40. – № 4. – С. 630–651.

12. РОМИР. Тренды в потребительском поведении 2023–2024. Стабилизация и новая нормальность. – 2024. – URL: <https://romir.ru/studies/trendy-v-potrebitelskom-povedenii-2023-2024>.